

Бильге Карасу
Сад умерших котов

Человек Солнца из города Дождей
Аслы, шести лет от роду

Маленький, худой, сухой человек стоял у окна. Окно было закрыто. По стеклу текли капли дождя. Снаружи казалось, что по лицу человека пробежала рябь. Мужчина поднял глаза и стал всматриваться в небо. Но в небе не на что было смотреть. Совершенно не на что. Ведь в этих краях каждый день, каждую ночь, каждое утро и каждый вечер лил дождь. Не останавливаясь, не ускоряясь, не замедляясь, не прекращаясь – капля за каплей, нить за нитью, струйка за струйкой – лил дождь. На что можно смотреть, что увидеть в свинцовом небе, цвет которого никогда не менялся?

Из-за дождя асфальт на дорогах и брусчатка на тротуарах всегда блестели, стены домов были чистыми, но потемневшими, окна всегда закрытыми, по углам подоконников вниз шли тёмные потёки сажи, а черепичные крыши выглядели отполированными. Сады могли бы быть ярко-зелёными, но на зелени оседал дым из труб.

Жители города со дня рождения до дня смерти знали только такой цвет неба и моря. И только от тех, кто сумел посмотреть мир, они узнавали, что небо может быть синим – светлым или темным, но всё равно синим; а море, вслед за небом, окрашивается во все цвета и оттенки, от тёмно-синего до светло-зелёного, красного, фиолетового, даже жёлтого. А ещё, как говорили, в других краях на небе горит что-то желтовато-беловато-красноватое, а ночами светит месяц и видны мириады звёзд.

Люди, которые из города никуда не выбирались, не знали ни солнца, ни месяца, ни звёзд. В школе им, конечно, говорили, что именно солнце даёт свет в течение дня. Однако здесь дни были такими же серыми, как небо и море – точнее сказать, свинцовыми. В этом городе жители видели цвета только на бортах морских судов. Лодки, баржи, корабли выходили в море раскрашенными во все мыслимые и немыслимые краски: жёлтые, красные, зелёные, синие, фиолетовые.

Из-за постоянного дождя кошки, собаки и, в особенности, куры не выходили на улицу. А вы пошли бы прогуляться только ради того, чтобы намочить волосы? Конечно, находились глупые кошки, собаки и куры. Они выходили, мокли, болели, и их приходилось лечить. Выходили и гуси – этим нравилось ходить под дождём. Сбившись в стаю по десять-двадцать штук, они ходили, задевая друг друга крыльями и хвостами, и напоминали клок серой тучи, спустившейся с неба побродить по земле. Длинные гусиные шеи колыхались над тучей, словно тополя, а клювы открывались и закрывались, будто существовали отдельно от шей. Но если гусиную стаю на улице можно

было увидеть лишь изредка, то кошек и собак, обиженно притулившихся к стене дома или под навесом – очень часто.

Жители города никогда не выходили из дома без зонта, а зонты на улице никогда не закрывались, поэтому центральные проспекты, казалось, были затянуты колыхающимся покрывалом на высоте человеческого роста. Оно тянулось, сминалось и рвалось только перед дверями автобусов, трамваев, домов, магазинов, офисов, будто стиснутое двумя губами, двумя челюстями, двумя роликами.

Из-за дождя в каждом доме была сушильная комната для зонтов и обуви, а в каждой такой комнате – жёлоб для стока воды.

А самое главное, что по той же причине, проснувшись утром, жители этого города, в отличие от людей в других краях, не бежали к окну, не открывали ставни, чтобы посмотреть на небо, или не спрашивали взволнованно: «Интересно, какая сегодня погода?» Им и в голову не приходило, что утром, ещё лёжа в кровати, можно по свету, проникающему через штору и падающему на стену, или по шуршанию автомобильных колёс понять, идёт снег или дождь, сухо ли на улице, солнечно ли. Жители города знали наверняка, что будет дождь, и не присматривались к свету, не прислушивались к звукам. С самого дня рождения для них ничего не менялось...